

Улэйжо, вспыхнув, после ухода Иэрданя освежился, оделся и отправился к жене. Теперь он был привязан к Яньчжи и не мог от неё уйти.

Вечером Фуло устроил примирительный ужин. Шатёр Шаньюя уже восстановили, внутри поставили свежее вино и баранину. Его два брата сидели ниже, а Красавец снова оказался рядом, держа на руках Суриле.

Фуло оставил в шатре лишь нескольких приближённых, остальные были охраной — главным образом, чтобы братья снова не подрались. Суриле не отходил от матери, счастливо устроившись у неё на коленях. Красавец кормил его, а потом нежно вытер подбородок, заляпанный слюной. Мальчик, сидя на коленях, с любопытством поглядывал на двух старших братьев, лица которых были напряжены и холодны.

Иэрдань, просидев ночь взаперти, немного остыл. Его лицо было в синяках, глаза покраснели, и он без остановки пил. Рана на правой руке была перевязана, и двигать ею он не мог. Яньчжи не смотрела на него, хоть и не обращала внимания на Улэйжо, но Иэрданю смутно чудилось, что дело его проиграно. Улэйжо же, вспоминая утренние ласки с женой, всё ещё думал о ней и мечтал провести с ней ночь.

У каждого были свои мысли, и Фуло, чувствуя неловкость, попытался начать примирение, но его никто не слушал. Тогда он обратился к Красавцу, но и тот говорил мало, занятый сыном. Фуло даже голову заполоскало — он не ожидал такого. Думал, братья, вчера сходящиеся в смертельной схватке, сегодня тоже не обойдутся без драки, и потому расставил повсюду стражу, даже войска царской охраны привёл в готовность — на всякий случай.

Наступило тягостное молчание. Первым пошёл на уступки Улэйжо: он соглашался уступить Иэрданю часть своих земель. Пусть Иэрдань сейчас и в восточном племени Хулуень, и их владения не граничат, но он готов отдать ту землю будущему сыну Иэрданя. Шаньюй будет свидетелем, и он сдержит слово.

Фуло довольно кивнул и взглянул на Иэрданя. Тот осушил кубок и холодно уставился на Красавца:

— Яньчжи, ты приняла мой кинжал! Разве это не значит, что согласилась стать моей женой?

Красавец едва не закатил глаза. Вот бесстыдник! Этот кинжал и так был его, а тот ещё и говорит, будто это подарок. Симпатий к Иэрданю он никогда не питал, но кинжал был ему дорог — подарок Ивэйсе. Так что он лишь сдержанно ответил:

— Кинжал мне подарил твой отец. Я благодарна тебе за то, что вернула его.

Иэрдань почернел лицом и снова спросил:

— Тогда как ты объяснишь, что теперь с Улэйжо? Шаньюй уже дал согласие на наш брак! Я заберу тебя в Хулуень!

Он не отступал. Красавец, глядя на его свирепое лицо, почувствовал страх — ни за что он не станет жить с таким. Собрав волю, он твёрдо сказал:

— Я уже сочеталась браком с Улэйжо. Не могу выйти за тебя.

Улэйжо, сидевший ниже, едва не подпрыгнул от радости. Яньчжи признала его! Яньчжи хочет быть с ним! Иэрдань не ожидал такой прямоты и чуть не задохнулся от ярости. Он вскочил,

прибегнув к угрозе от имени отца:

— Будь отец жив, он никогда не позволил бы тебе выйти за этого ублюдка!

Красавец тоже вышел из себя:

— И за тебя тоже не позволил бы!

Иэрдань взбесился:

— Ладно! Тогда ты не выйдешь ни за кого! Я увезу тебя в Хулунь и заточу в гробнице отца!

Красавец побледнел от страха. Ивэйсе ещё при жизни хотел, чтобы он составил ему компанию в загробном мире, и лишь беременность их ребёнком спасла его тогда. Да и Улэйжо, сопровождавший его в Хулунь, тоже намеревался отправить его вслед за отцом после родов. Улэйжо тоже побледнел, испугавшись, что брат, не добившись своего, в безумии своём убьёт Яньчжи. Он поднялся:

— Иэрдань, остынь. Уважай желание Яньчжи. Она хочет быть со мной. В качестве компенсации я готов уступить часть земель и прислать других красавиц.

При словах о «красавицах» Иэрданю захотелось подпрыгнуть от злости. Его брат, негодяй, подсунил ему какую-то женщину, когда он был пьян, думая, что это его успокоит. Он закричал в ярости:

— Улэйжо, да как ты можешь быть ещё подлее?! Я отдам тебе свои земли, подарю красавиц, а ты уступишь мне Яньчжи! Согласен?

Улэйжо промолчал. Фуло тоже слышал эту историю — ту женщину Иэрдань выгнал после одной ночи, жалко её. Иэрдань же, уставившись на старшего брата, в сердцах сказал:

— Брат, давай так и сделаем. Никто из нас не женится на Яньчжи. Она не выйдет ни за кого, а отправится к гробнице отца — пусть там всё хорошенько обдумает.

Красавец, вне себя, вскочил и швырнул кувшин с вином Иэрданю в лицо. Горячий кумыс обжёт ему щёку. Иэрдань даже не уклонился, упрямо стоя на своём. Он был в бешенстве: жена украдена братом, и смириться с этим он не мог — пусть уж лучше она останется вдовой.

Суриле снова расплакался от страха. Заплакал и Красавец. Вечно в этом Царском дворе насилие да похищения! Что ж он такого в прошлой жизни натворил, что теперь вынужден терпеть эти напасти?

Улэйжо, видя его слёзы, захотел подойти и утешить, но Иэрдань снова вспыхнул, запретив ему прикасаться к Яньчжи. Братья чуть не сцепились прямо в шатре, и лишь вовремя подоспевшая стража разняла их. Иэрдань, глядя на плачущего Красавца, тоже злился, но стоял на своём:

— Яньчжи, ты должен пойти со мной к отцу! Он погиб из-за тебя! Как ты могла молча выйти за этого ублюдка? Ты неверна ему, ты предала его!

Красавец побелел как полотно и с ненавистью посмотрел на Иэрданя. Если уж говорить о бесстыдстве, то в этом шатре ему не было равных. Ещё при жизни Ивэйсе он позволял себе вольности, а теперь ещё и смеет говорить о неверности! Этот выродок становился всё отвратительнее.

Иэрдань уловил ненависть во взгляде Яньчжи и, догадавшись, о чём тот думает, не почувствовал ни капли стыда, а лишь вызывающе посмотрел на него:

— Что, боишься пойти со мной к отцу?

Задумался и Фуло. Теперь, когда Хунну наконец успокоились, все три брата собрались в Царском дворе, и младший сын отца спасён, всем им следовало бы навестить его могилу. Особенно Яньчжи — ведь Ивэйсе погиб из-за неё.

Улэйжо тоже побледнел. В конце концов, это он предал обещание, данное отцу, не вернул Яньчжи в Хулунь и даже присвоил её себе.

В шатре повисла тяжёлая тишина. Фуло, видя, что братья не сойдутся, и опасаясь новой драки, предложил, чтобы Красавец пока поселился в шатре рядом с ним, а решение отложили.

Улэйжо, естественно, первым воспротивился. Иэрдань тоже был против, но, видя яростное сопротивление сводного брата, встал на сторону старшего и заявил, что решение будет принято лишь после того, как Яньчжи посетит могилу отца.

Он хотел заставить Яньчжи почувствовать вину. Гробница отца была на его землях, и он намеревался заманить свою жену туда.

Вечером Красавец действительно остался в шатре, который Фуло выделил ему отдельно, окружённый охраной. С ним были и дети. Суриле, впервые спавший с матерью, от радости катался по постели. Красавец искупал его, передел в мягкую одежду и, держа на руках, разглядывал маленькую сестрёнку в колыбели.

Суриле с удивлением смотрел на неё и спросил:

— Мама, а сестрёнке сколько?

Красавец поцеловал его в лоб и радостно ответил:

— Скоро два месяца исполнится.

— А, — сказал Суриле, не очень понимая, что такое «два месяца», и потянулся пальчиком, чтобы ткнуть сестрёнку в щёку. Та, разумеется, проснулась. Суриле испугался и спрятался за мать. Красавец успокаивающе погладил его по голове, взял Чжао Ли'эр на руки и, приподняв воротник, принялся кормить её грудью. Чжао Ли'эр, ухватившись за сосок, тут же перестала плакать и принялась сосать с наслаждением. Суриле выглянул из-за спины, с любопытством посмотрел, как сестра ест, а потом и сам уставился на Красавца жадными глазами.

Он уже вышел из грудного возраста, но в Ханьском дворце Ханьский император его не обделял, и до самого похищения у него была кормилица. Суриле облизнулся — ему тоже захотелось молока, а не козьего. Красавец, жалея его, приоткрыл воротник с другой стороны. Суриле радостно приник к матери, обхватил грудь и принялся сосать молоко вместе с сестрой.